

В феврале этого года ушла Марина Самаркина. Несколько лет назад она переехала из родного Хабаровска в Краснодар, но не перестала считать себя хабаровчанкой — и по рождению, и по духу. На новом месте ее жизнь, казалось, вышла на новый творческий виток. Складывались стихи и песни. Был выпущен песенный диск и записан материал для второй пластинки. Даже в последних песенных клипах мы видим Марину красивой, легкой, порывистой. Не хотела говорить о болезни, поэтому известие о ее уходе многих застало врасплох...

Будучи самобытным, ярким (да еще и поющим) поэтом, Марина Самаркина называла себя — поэтессой. Подчеркнуто, не прячась за условностями: «поэт-женщина»... Твердо — поэтесса. Она и стихи успевала писать между домашними делами. Ее первый сборник назывался «Не отделись, душа, от плоти», второй — «И с тротуара, и с иконы». В 2009 году вышла книга «Лоскут для крыльев». Марину приняли в Союз писателей России.

Ее жизнь никогда не была легкой. Рано погиб отец — военный летчик авиатряда в Гаровке под Хабаровском. После школы Марина окончила швейное училище, монтажный техникум, институт культуры. Вышла замуж, развелась. В одиночку воспитывая двух дочерей, не могла себе позволить сидеть без дела: шила, делала ремонты, проводила свадьбы в качестве тамады. Возила туристические группы в Китай.

Все говорят,
Что звезды мне
Благоволят:
Я — на коне!
Все для броска:
Пиши, летай...
В душе — тоска,
Вокруг Китай.

С этим коротеньким стихотворением произошла удивительная история, которую Марина считала скорее забавной. На концерте группы «ДДТ» в Хабаровске она передала для Юрия Шевчука листок со стихами в знак благодарности за выступление. И была искренне удивлена, когда Шевчук сначала прочитал эти стихи на телевидении, а потом написал песню, взяв строчки Марины для припева. При этом, естественно, как порядочный человек, указал соавторство Марины Самаркиной. Позже они даже встретились.

Но все это — позже. А в девяностые годы на ее хабаровской кухне кипела творческая жизнь. Запросто постучав в окно (квартира на первом этаже), приходили друзья — поэты, музыканты. Допоздна звучали песни и стихи, под чашку кофе велись беседы и споры. Сама хозяйка, устроившись с сигаретой у открытой форточки, рассказывала что-нибудь скороговоркой, приправленной соленым словцом. На этой кухне было как-то особенно уютно...

Марина всегда оставалась собой. Часто резкой, бескомпромиссной, но при всем этом — доброй, отзывчивой и талантливой. Летающей.

Андрей ЗЕМСКОВ

А все ли мне в жизни простится,
Когда и ее расплескаю?
Мои журавли и синицы,
Летите — я вас отпускаю.
Сотрутся нечеткие лица,
О коих порою тужу.
Но все-таки что-то простится
За то, что я птиц не держу.

Стучатся в дверь ко мне и в окна,
И телефон трезвонит вслед.
Но мне совсем не одиноко:
Меня сегодня дома нет.
Я не скажу, где мне бродилось,
Не извинюсь, не обвиню.
Ушла в себя — и заблудилась.
Когда найдусь — перезвоню.

Бессонница

Я сегодня считаю овец до зари —
Бестолковая это работа...
И всю ночь за окошком горят фонари,
Помогая не сбиться со счета.

Вот и время, пожалуй, о всяком взгрустнуть,
Если долгая ночь бесконечна,
Если память моя не дает мне уснуть,
По-овечьи напомнив о вечном.

Мне пора бы придумать какой-нибудь клич,
Чтобы овцы сбежались — и в клетку!

Надоело считать. Мне пора бы их стричь,
Да связать... ну, хотя бы жилетку.

И когда сон внезапно сморит наконец,
Счета смысл мне окажется ясен:
Досчитаю однажды я этих овец,
Чтобы их отпустить восвояси.

Дочкам

Спите, лапушки мои,
Ночь за всех управится.
Вы на всей земле одни
Для меня красавицы.

По подушкам, как трава,
Волосы разбросаны:
Золотая голова
Да темноволосая.

Но рассвет коснется стен,
Сгинет ночь-сумятица,
И настанет новый день,
Как другое платьице,

Как почти такой же день
В сказке про горошину.
Только мне достались две —
Вы, мои хорошие.

Целые сутки падает снег —
Это зима начинает свой бег.
Падает снег и не скоро растает.
Знаю, короткой зимы не бывает.

Целые сутки вьется метель.
Улица — лист, а быть может — постель.
Хочешь — пиши, ну а хочешь — усни,
Чтобы дожждаться весны.

Целые сутки что-то со мной,
Словно дойти не могу я домой.
Каждый мой след замечает зима,
Прячет людей и дома.

Целые сутки снег, словно тюль,
Передо мною. Забыться смогу ль?

Холод сковал — значит, я не вольна...
Может быть, просто больна?

Целые сутки все так бело,
Сколько же снегу за них намело!
Целые сутки, как будто во сне,
Думаю я о весне...

Рисуем жизнь

Рисуем жизнь. Все линии — на лист:
Мосты, дороги, тропы, магистрали.
Да что там лист? Любой маршрут тернист.
А лист — он для души, не для морали.

Что ты возьмешь? И что взамен отдашь?
И как учтешь все эти «зодиаки»,
Когда ты сам и есть тот карандаш,
Который всюду оставляет знаки?

Ты музыкант, художник и поэт.
Какая жизнь, такая и картина:
Тот — как пейзаж. А этот — как портрет,
Другой — как натюрморт или марина...

Не лги себе — и выйдет безо лжи
Все то, над чем смеялись или плакали.
Еще бывают люди — чертежи
И те, кто оставляет лишь каракули.

Дрожит моя корявая строка...
Пусть даже ее миссия дебютна,
Знать не дано пока наверняка,
Что на века, а что — сиюминутно.

От замысла до каждого витка —
Всего лишь миг для бездаря и гения.
Води же мною высшая рука
И вдохновение.

Поэтесса

О, язык наш — дитя прогресса!
Что ни слово — вникай старательно:
Производное «поэтесса»
От «поэта» — уже ругательно.

Как-то странно, однако, это:
Чтоб придать себе больше веса,

Называйся всегда поэтом,
Даже если ты — поэтесса...

Ну а мне так милей обратное, —
Извините, я все же женщина, —
Потому выбираю внятное,
Хоть ничтожно оно уменьшено.

Или — слюбится, или — стерпится.
Но со мной не случится стресса,
Если вдруг и ко мне прилепится
Слово звучное — поэтесса.

Хабаровск

Помнится время хибар —
Детство, в карманах ириски...
Здравствуй, Амурский бульвар!
Здравствуй, бульвар Уссурийский!
Лет утекло, как — воды...
Только лишь память — в наследство...
Я выхожу на пруды
Прямо из самого детства,

В город, ласкающий слух
Треском — и почки, и льдины.
Снег полетит или пух,
В вечном порыве едином
Дни будоража и сны,
В нежность впадая и в ярость,
И так до самой весны.
Это мой город Хабаровск!

Все-то меняется здесь —
Это и вправду заметно.
Но ведь у каждого есть
Свой уголочек заветный.
Там, переменам в укор,
В памяти самой глубинной
Прячется старый мой двор
С самой красивой рябиной.

Из привычного сердцу оазиса —
В неизвестность. К житью да бытью.
Я — как дама с собачкой без адреса
С виртуальной жилплощадью.

Хоть такое, а все же — пристанище,
А к нему — безжилплощадный быт...
Но мой дом — виртуальный пока еще —
Для друзей моих также открыт.

Столица

Я спускаюсь со всеми с трапа,
Ощущая в себе дорогу
Всем своим существом помятым.
Приземлились — и слава Богу.

Здесь пространство и время стерты,
Каждый здесь по своим причинам.
Почему все аэропорты
Друг от друга неотличимы?

Я шагаю, как все шагали,
Здесь проездом — не просто блажь.
Без понятий и без регалий,
На колесиках мой багаж.

Этот город большой и древний,
И гудит все его нутро.
Эх, Москва — большая деревня,
Где полжизни — в метро!

Электричек шальная скорость,
Суетливость спешащих прочь
И совсем незнакомый голос,
Неожиданный: «Вам помочь?»

Всяк случаен здесь и непрошен,
Всяк здесь катится, как моя
Сумка черная в белый горошек,
Вся такая нелепая.

Откровением чьи-то лица:
Как я им со своей сумой,
С неумением с толпою слиться?
Я — в столице! Хочу домой!

Там — дела. Ну а здесь — делишки.
Эсэмэсит моя мобила:
Лишний день — это даже слишком.
Ничего я здесь не забыла.

И слона-то я не заметила,
И сама-то я здесь невнятна...
Мне обратно из Шереметьево.
Мне — обратно.

Улица Друзей

Не разглядеть лицом к лицу лица.
Теперь же расстояния, как дыры...
Мои друзья в бараках и дворцах
Давно уже разбросаны по миру.

Нам горько или радостно от пут,
В которых мы по жизни пребываем.
Но наш особый кухонный уют —
Он так же, как и вы, забываем...

И так, чтоб — для души, а не в музей,
Когда взгрустнется или пригорюнится,
Я строю свою улицу Друзей.
Мне нужно, чтоб была такая улица!

И если помнят, любят или ждут,
Даст Бог, для встречи сбудутся причины.
Ведь даже «где-то там» и «где-то тут»
Мы все равно вовек неразлучимы.

Не все едино сердцу и уму,
Но всяк из нас за выбор свой в ответе.
А жизнь мотает нас по одному
И перемен — всегда внезапный — ветер.

